

Чекушкина Елена Петровна

ОСОБЕННОСТИ ПРОЗЫ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ В ЧУВАШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА XX - НАЧАЛА XXI В.

В статье раскрыты художественные особенности прозы молодых чувашских писателей конца XX - начала XXI в. Основное внимание уделено анализу некоторых произведений Б. Чиндыкова, М. Карягиной, Н. Ильиной. В статье отмечено, что в творчестве этих писателей ведутся активные поиски новых литературных идей, образов и героев. Главными приоритетами в творчестве исследуемых авторов являются раскрытие концепта национального (чувашского) и идеи гуманизма, изучение морально-этических взаимоотношений людей в современном мире.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/6-2/57.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 6 (48): в 2-х ч. Ч. II. С. 184-187. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список литературы

1. **Башкирия в русской литературе:** в 6-ти т. / сост. М. Г. Рахимкулов. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1989. Т. 1. 512 с.
2. **Башкирское народное творчество** / сост., авт. вступ. ст. и коммент. Ф. А. Надршина; ответ. ред. Зиннур Уракин; на башк. яз. Уфа: Китап, 2006. Т. 10. Кн. 1. Пословицы и поговорки. 544 с.
3. **Башкирское народное творчество. Песни** / сост., авт. вступ. ст. и коммент. С. А. Галин; ответ. ред. К. А. Ахмедьянов; на башк. яз. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1974. Кн. 1. 388 с.
4. **Башкирское народное творчество. Песни** / сост., авт. вступ. ст. и коммент. С. А. Галин; ответ. ред. К. А. Ахмедьянов; на башк. яз. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1977. Кн. 2. 294 с.
5. **Полевой материал автора:** записано в 2010 г. Хакимьяновой А. М. от Илембетовой Заухиямал Маннафовны (1932 г. р.), жительницы с. Акъяр Хайбуллинского района Республики Башкортостан.
6. **Словарь башкирского языка:** в 2-х т. / ИИЯЛ УНЦ РАН; на башк. яз. М.: Рус. яз., 1993. 814 с.
7. **Хакимова Г. Ш.** Концепт ЖЕНЩИНА в английских и русских поговорках в свете гендера: сопоставительный аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 11. Ч. 1. С. 192-295.
8. **Хакимьянова А. М.** Концепт ЛЮБОВЬ в башкирских народных лирических песнях // Духовная культура народов России: материалы заочной Всероссийской научной конференции, приуроченной к 75-летию д. филол. н. Ф. А. Надршиной. Уфа: Гилем, 2011. С. 126-134.
9. **Хусаинова Г. Р.** Идеал женской красоты у башкир (на материале фольклора) // Мать и дитя у народов Башкортостана: материалы межрегиональной научно-практической конференции. Уфа, 2001. С. 253-255.

**GENDER RESEARCH OF THE CONCEPTS 'MAN' AND 'WOMAN'
IN THE BASHKIR FOLK LYRICAL SONGS**

Khakim'yanova Aigul' Muzhavirovna

*Institute of History, Language and Literature of Ufa Research Centre of the Russian Academy of Sciences
aihakim@bk.ru*

Nowadays gender studies of the concepts, which reflect the ideas of people about femininity and masculinity fixed in folk art, traditions and language, are widespread. In collective consciousness there are gender stereotypes – personal qualities and behavioral models of people of a particular sex. The article deals with linguistic means representing the concepts MAN and WOMAN in the texts of the Bashkir folk lyrical songs.

Key words and phrases: concept; gender; linguistic worldview; verbalization; folk song-like lyrics.

УДК 82.09

Филологические науки

В статье раскрыты художественные особенности прозы молодых чувашских писателей конца XX – начала XXI в. Основное внимание уделено анализу некоторых произведений Б. Чиндыкова, М. Карягиной, Н. Ильиной. В статье отмечено, что в творчестве этих писателей ведутся активные поиски новых литературных идей, образов и героев. Главными приоритетами в творчестве исследуемых авторов являются раскрытие концепта национального (чувашского) и идеи гуманизма, изучение морально-этических взаимоотношений людей в современном мире.

Ключевые слова и фразы: чувашская проза; проза молодых писателей; литературные образы и концепты; Борис Чиндыков; Марина Карягина; Надежда Ильина.

Чекушкина Елена Петровна, к. филол. н.

*Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова
enapri@mail.ru*

**ОСОБЕННОСТИ ПРОЗЫ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ
В ЧУВАШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI В. ©**

В чувашской литературе конца XX – начала XXI в., как и в литературе народов Урало-Поволжского региона, наблюдаются активные поиски новых эстетических идей, философских направлений и литературных стилей среди молодого поколения писателей. Именно в этот период в чувашской прозе появляется ряд авторов, чье творчество разительно отличается от творчества предыдущего поколения. Однако особенностям прозы молодых писателей в современном чувашском литературоведении уделяется лишь частичное внимание, поэтому данная тема является актуальной на сегодняшний день. Как отмечает литературовед В. Никифорова, в чувашской литературе этого периода появляется интеллектуальная проза, которая представлена произведениями Б. Чиндыкова, В. Степанова, М. Сунтала, Г. Федорова. Интеллектуальная проза, основываясь, по сути,

на достижениях философского романа, «отличается еще более глубоким содержанием, уплотнением смысла, усложнением техники письма» [4, с. 124]. По мнению некоторых исследователей, творчество прозаиков Б. Чиндыкова и В. Степанова стоит особняком, ибо в их творчестве наблюдается отпечаток постмодернистского направления [5, с. 126]. Кроме упомянутых прозаиков 80-90-х гг. XX столетия необходимо отметить таких авторов, как В. Эктел, А. Тарасов, Г. Максимов, С. Павлов, Л. Сачкова, У. Эльмень, А. Павловская. Далее в их ряды вливаются молодые прозаики А. Мышкина, Е. Нарби, С. Гордеева, Н. Ильина, М. Карягина, А. Хмыт, Ю. Сан и др. Таким образом, литературное поле чувашского художественного слова наполняется новым дыханием, новыми идеями, образами и героями. Поэтому назрела необходимость исследования особенностей творчества самых ярких представителей современной чувашской прозы, что и является целью нашей статьи.

Так, в творчестве **Бориса Чиндыкова** основополагающим концептом выступает национальное (чувашское – чăвашлăх), в его произведениях произошла экстериоризация многих существенных составляющих «чувашского мира» [3, с. 203]. А. П. Хузангай отмечает, что Б. Чиндыков, являясь представителем той «среды чувашской национально-творческой интеллигенции, которая в середине 80-х до середины 90-х попыталась реализовать функции интеллектуальной элиты», разрушал миф чувашской советизированной культуры и, переосмыслив чувашский этнический генотип и другие культурные стереотипы, очертил, по крайней мере, чувашскую контркультуру на приоритете личностных начал [7, с. 4]. Действительно, проза Б. Чиндыкова появляется как раз в тот момент, когда в чувашской литературе начинаются поиски образов новых героев конца XX столетия. Его рассказы «Hotel Chuvashia», «Куда летишь, ласточка...», «Бобби», «Головушка болит», «Конфеты в фантиках», «До отъезда» пронизаны болью за судьбу родного народа, стремлением понять особенности чувашского мира и желанием дойти до глубинных основ его духа. В частности, в рассказе «Hotel Chuvashia» главным героем является девушка, у которой сложилось двойственное мировосприятие из-за незнания родного языка. Она часто встречается с чувашской молодежью, говорящей на родном языке. При этом чувствует, что ей хоть и хочется понимать язык матери, но что-то мешает этому: «Хотя и бежит во мне чувашская кровь, однако душой и мыслями в тот момент я была так далека от родного народа, да к тому же этот народ мне и вовсе казался не родным» [9, с. 8] (*перевод с чувашского здесь и далее автора – Е. Ч.*). Ее мучает сожаление о нереализованных возможностях чувашского народа. Когда в трамвае слышит жалкий песенный припев «Мы, чувашки, дураки...», девушка испытывает стыд не только за свой народ, но и за то, что в ее жилах течет чувашская кровь. Именно подобное самоуничижение доводит Хуначи, друга девушки, до тупика, ибо он, как и его старший брат Матви, думал, что «сначала надо развивать духовность, и, выбрав этот путь, любой малый народ начнет сначала уважать себя, а затем заставит уважать себя и других» [Там же, с. 20]. Но о каком уважении может идти речь, когда этот народ во всеуслышание поет такие самоуничижительные песни? Уезжая из Москвы, Хуначи обещает написать девушке, однако вместо письма присылает пустой конверт с изображением невзрачной гостиницы «Чувашия». Героиня рассказа понимает, что пустота души и безысходность ситуации приводят его друга к трагедии. Как отмечает В. Никифорова, «свободный человек несет ответственность не только за себя, но и за все то, что происходит вокруг него. Большинство героев Чиндыкова, находящихся в “пограничной ситуации” (чаще всего – перед лицом смерти), чувствует это очень обостренно» [3, с. 214]. Таким образом, мотив безысходности, являясь особенностью прозы Б. Чиндыкова, пронизывает многие его произведения. Присутствует он и в рассказах «Куда летишь, ласточка...», «Головушка болит», «Бобби», «Изморось» и др.

В произведениях другого прозаика **Марины Карягиной**, чье творчество еще в 80-х гг. прошлого века проявилось в поэзии, концепт национального (чувашского) тоже занимает немаловажное место. Она размышляет о генетическом родстве душ людей, однако ее произведениям чужд мотив безысходности, который мы наблюдаем в прозе Б. Чиндыкова. Первые повести М. Карягиной «Небо без флага», «Вторая любовь» пронизаны духом романтики, а повесть «Мужчина в черном» тяготеет к жанру лирической повести-исповеди. Справедливости ради надо отметить, что исповедальный жанр занимает довольно прочное место в чувашской литературе конца XX века.

Сюжет произведения «Мужчина в черном» лишен динамики. В целом он развивается во внутреннем монологическом воспоминании героини Али, где на первый план выходят глубокие душевные переживания героев. Подобный стиль прозы наблюдается и в других рассказах писателя («Ожидание», «Вдвоем», «Остров в центре города», «Полярная звезда», «Явление его души в виде мышонка»). Особенностью прозы М. Карягиной является и ее богатый, сочный язык. Образные картины вырисовываются, будто написанные маслом этюды. В каждой строке повести – символы-образы, а внутренний мир героев раскрывается через эти символы. Человек в черном – это знак-символ некоей тайны, преследующей героиню. В повести есть и его антипод – Женщина в белом, это Аля. Она всю жизнь пытается понять, почему ее так влечет к этому Человеку в черном, одновременно чем-то и отталкивая от него. Загадка раскрывается лишь в финале повести: Человек в черном оказался ее кровным братом-близнецом, в силу жизненных обстоятельств еще в детстве разлученным с сестрой. Генетическое родство незримо сближает двух героев, но судьба тут же разводит их в разные стороны. Рожденные одной матерью, но прожившие не зная друг друга близнецы, волей Всевышнего уходят из этого мира одновременно. Голос крови просыпается в их внуке, который нечаянно (так ли уж нечаянно?) находит дневниковые записи, оставленные Женщиной в белом. Таким образом, писатель, раскрывая историю взаимоотношений Женщины и Мужчины, рассказывает читателю не только историю об отношениях полов, но и философски осмысливает нынешнее положение целого чувашского народа. Автор задает вопросом: представ слышать голос родной крови, в суматохе не растерять бы нам свои корни и не согнуть бы в безвестности. Душа Женщины в белом растерзана болью и переживаниями за родных людей. Ее добровольный уход

из жизни как символическое предупреждение чувашскому народу – нельзя терять свою идентичность, своих генетически родственных людей, иначе не миновать беды.

Своеобразна и детская проза М. Карягиной [8]. В книгу «Золотое яблоко» вошли 19 рассказов, объединенных главным героем Васькой, мальчиком дошкольного возраста с необычным кругозором. Пытаясь познать окружающий мир, он то и дело сталкивается с непонятными явлениями взрослого мира, однако всему находит свое объяснение, делает свои выводы. Так, в рассказе «Зеленый друг» Васька находит в весенней луже непонятное существо чудо-юдо (армак-чармак) и берет его с собой домой. Оказывается, это «существо», помещенное в воду, через несколько дней пускает белые корни, и мальчик сажает его в горшок с землей. Автор повествует о настоящей дружбе мальчика и его зеленого друга. Хотя история дружбы мальчика и неожиданно ожившего растения рассказана в шутовском тоне достаточно просто, однако идея произведения глубоко философская – в образе армак-чармак скрыто все то, перед чем мы часто проходим мимо, и у нас нет времени задумываться над этим: что это, для чего оно? Все то, что в данное время для нас, как бы, не имеет особого значения, возможно, с течением времени нам становится очень важным. В рассказе есть момент, где Васька своих родителей на русский лад называет «паппи», «мами», вместо «атте», «анне» по-чувашски. У современного чувашского народа подобный случай – обыденное явление. И тут читатель невольно задается вопросом: что же происходит с ребенком, у которого в лексиконе вместо генетически родных «атте-анне» неродные слова? Не оторваны ли у него корни, как у того непонятного существа армак-чармак? И не понесут ли его неведомо куда вешние воды? В рассказе «Пасха» есть продолжение данного лейтмотива. Васька нечаянно разбивает амулет, который передавался из поколения в поколение по женской линии. Сообщить о своей провинности старшим малыш боится. По рассказам кугамай (бабушка по маминной линии) он знает, что амулет должен был дойти до седьмого поколения, иначе беда будет. Переживания мальчика вполне понятны: волшебный амулет разбит, мамы рядом нет. И ему снится необычный сон, где Васька вымаливает от высших сил себе прощение и здоровье маме. Все происходит как будто наяву, и страхи мальчика разрешаются чудесным образом: оказывается, тот разбитый амулет был не настоящим, а подделкой. «Чувашское национальное сознание более предрасположено к извлечению интеллектуального смысла, притчевого содержания, аллегорически-символического потенциала из мифов, обыденных сцен бытовой жизни, присказок и побасенок», – пишет исследователь Г. И. Федоров [6, с. 195]. Так и в этом рассказе образ разбитого амулета, являясь мифическим образом, символизирует частичную потерю своих корней нынешним поколением чувашей. Неслучайно в конце рассказа мальчик обращается к своей маме уже по-чувашски – «анне». Так не в этом ли кроется вся тайна вновь обретшего целостность амулета? Таким образом, М. Карягина и в детской прозе затрагивает вполне недетскую проблему – проблему сохранения идентичности целого народа в современную эпоху глобализации. Проза молодого автора, тяготея к философско-лирическому жанру, невольно заставляет читателя задумываться о своих генетических корнях и о смысле сохранения молодым поколением национальных приоритетов.

Интересна проза **Надежды Ильиной**, чье творчество известно по рассказам «Последняя осень», «Счастье, обретенное без Бога», «Раскаленные угли», «Изваяние девушки», «Даниил» и др. Прозе Н. Ильиной наиболее характерно размышление над проблемой гуманизма в современном обществе. Молодой автор затрагивает морально-этические взаимоотношения людей, где во главу этих отношений ставятся противоположные понятия, такие как честь и бесчестье, верность и предательство, долг и трусость, грех и чистота, богатство и бедность. В прозе Н. Ильиной нередко противопоставлены образы животных и человека. Человек, часто служа своим страстям и прихотям, становится злым, жадным и развращенным (Тимухха, Семекке, Арсенти), за что потом неминуемо получает и наказание. Так, например, довольно цинично рассуждает герой рассказа «Счастье, обретенное без Бога» Семекке о гуманизме: «Что такое “гуманизм”? Оставляя в живых калек-инвалидов, мы обрекаем их на вечное страдание. Не только сами, но и их родители, семья и общество страдает из-за них. Где тут гуманизм? Что за польза от инвалидов? По-моему, им не место на земле! Их сразу надо уничтожать при рождении!» [1, с. 546]. Семекке, сам являясь моральным инвалидом, думает, что живет правильно. У них с женой жизнь протекает в изобилии, но их богатство добыто греховным промыслом – из-за продажи сельчанам алкогольного пойла многие стали алкоголиками, поэтому люди их ненавидят. Образу циничного Семекке противопоставлен образ собаки Динго. Семекке купил пса за большие деньги, но тот отказывается служить хозяевам, буквально набрасываясь на них. Однако собака-зверь становится чуть ли не ягненком при виде соседского пятилетнего мальчика-инвалида, позволяя ему даже кормиться из своего корыта. Мальчик-инвалид – немое подтверждение греха Семекке. Столь ненавистный им малыш появился на свет в результате изнасилования им соседки алкоголички Улюк. В то же время законная жена Семекке бездетна. Осознав этот факт, мужчина разом понимает, что не избежать ему кары небесной. Столь тяжкий грех камнем ложится в его душу, и испуганный Семекке, пытаясь освободиться от него, бежит через чистое поле в сторону леса. В чувашской мифологии лес – это место, где обитает всякая нечисть. Однако нераскаянный грех настаивает его в образе грозы и удара молнии под старым вязом. Символический образ нераскаянного греха присутствует и в других рассказах Н. Ильиной. В «Раскаленных углях» он жжет героя в образе непотухающего очага-печки. Лежачий больной Арсенти вынужден принимать ухода дочери Ульяны, которую в младенчестве сам же едва не погубил, кинув в только что вытопленную печь. Тогда от неминуемой гибели ее спасли соседи. Ульяна осталась жива, но ее шрам на правой щеке ежечасно напоминает отцу о содеянном. Самые любимые дети забыли больного отца, а не обласканная им кроткая дочь ухаживает за ним как за младенцем. Автор, задаваясь моральными вопросами человеческих отношений, в своих рассказах показывает, что тяжкие

грехи никогда не проходят бесследно для людских душ. Так, в конце рассказа «Последняя осень» Тимухха умирает от сердечного приступа, но читателю понятно, что происходит это не случайно – ранее мужчина дает отраву своей престарелой собаке Альме, которая всю жизнь добросовестно прослужила ему, не раз спасая и выручая. «Ах, как бесконечно мал ты, человек на этой большой Земле. Но каким ничтожным ты умеешь быть порой. И напрасно бьешь себя кулаком в узкую грудь, приговаривая, что ты – царь природы. Человек возник лишь благодаря развитию самой природы, и он ее самый наивысший плод. Однако нельзя забывать и того, что все мы в руках Господа», – так восклицает автор рассказа [2, с. 119]. Во многих произведениях прозаик затрагивает проблему ожесточения человеческих душ и постепенного выхолащивания родственных отношений между людьми. В противовес этому образы животных настолько гармоничны, что «царям природы» в пору у них учиться. Раскрытие концепта гуманизма и человеческих морально-этических взаимоотношений в современном мире как раз и является особенностью прозы Н. Ильиной.

Таким образом, именно в произведениях Б. Чиндыкова, М. Карягиной, Н. Ильиной наиболее активно ведутся поиски новых литературных образов и идей. В прозе Б. Чиндыкова мы видим новых героев, пытающихся понять чувашский мир и дух родного народа («Hotel Chuvashia»), представителей творческой интеллигенции, которые опьянены духом свободы конца XX в. («До отъезда»). Его рассказы пронизаны идеей возрождения национального духа, но зачастую эти герои пасуют перед навалившимися на них проблемами и загоняют себя в тупик. В прозе М. Карягиной тоже ярко раскрывается современная проблема чувашского народа – потеря генетических корней, однако ее герои полны оптимизма и жаждут перемен. Особенностью творчества Б. Чиндыкова и М. Карягиной является то, что их проза тяготеет к лирико-философскому жанру и концепт национального является главенствующей идеей. А в прозе Н. Ильиной часто раскрываются морально-этические взаимоотношения людей и для ее рассказов наиболее характерно копание во внутреннем мире героев. В своих рассказах автор большое внимание уделяет раскрытию концепта гуманизма. Несомненно, в чувашской прозе конца XX – начала XXI в. немало и других интересных молодых авторов и исследование особенностей их творчества тоже представляет большой интерес, однако изучение данного вопроса мы оставим в перспективе.

Список литературы

1. **Ильина Н.** Турăсăр тупнă телей // Чăваш литературин антологийĕ. Шупашкар, 2003. Т. I. Проза. С. 543-549.
2. **Ильина Н.** Юлашки кĕр // Шура туй кĕпи: повеçсемпе калавсем. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2004. С. 116-119.
3. **Никифорова В. В.** Борис Чиндыков: опыт реконструкции чувашского мира // Художественная словесность и проблемы чувашской духовной культуры: сб. мат-лов науч.-практ. конф. отдела литературоведения и фольклористики. Чебоксары: ЧГИГН, 2008. С. 202-225.
4. **Никифорова В. В.** Интеллектуальная проза в чувашской литературе: поэтика творчества Г. Федорова // Чувашский гуманитарный вестник. 2009. № 4. С. 124-139.
5. **Никифорова В. В.** XX ĕмĕр вĕçĕнчи чăваш прозинчи пулăмсем (1995-2000) // Халăх пултарулăхĕпе илемлĕх аставамĕ фольклорпа литературара палăрса тăни: сб. статей по мат-лам науч.-практ. конф. Чебоксары: ЧГИГН, 2006. С. 125-154.
6. **Федоров Г. И.** Художественный мир чувашской прозы 1950-1990 гг.: монография. Чебоксары: ЧГИГН, 1996. 304 с.
7. **Хузангай А.** Культура как информация наивысшего качества: Чувашская интеллигенция ныне и прежде // Республика. 2002. 10 апреля. С. 4.
8. **Чекушкина Е. П.** Особенности детских рассказов Марины Карягиной // Литература и художественная культура тюркских народов в контексте Восток-Запад: сб. мат-лов Междунар. науч.-практ. конф. (13-15 мая 2014 г.). Казань: Отечество, 2014. С. 530-532.
9. **Чиндыков Б.** Hotel Chuvashia. Шупашкар: Чăв.кĕн.изд-ви, 1989. 95 с.

SPECIFICS OF THE YOUNG WRITERS' PROSE IN THE CHUVASH LITERATURE OF THE END OF THE XX – BEGINNING OF THE XXI CENTURY

Chekushkina Elena Petrovna, Ph. D. in Philology
Chuvash State University named after I. N. Ulyanov
enarpi@mail.ru

The article reveals the artistic peculiarities of the prose by the young Chuvash writers of the end of the XX – beginning of the XXI century. The special attention is paid to the analysis of the certain works by B. Chindykov, M. Karyagina, N. Ilyina. The author emphasizes that these writers implement an active search for the new literary ideas, images and characters. The basic priorities in the creative work of the authors under analysis are the revelation of the concept of the national (Chuvash) and ideas of humanism, studying the moral and ethical relations of the people in the modern world.

Key words and phrases: Chuvash prose; prose of the young writers; literary images and concepts; Boris Chindykov; Marina Karyagina, Nadezhda Ilyina.